

Лунный свет был ярким, как серебро. Шэнь Цинчжо очнулся от интимного сна. Он чувствовал, что все его тело все еще горит неопишным жаром, а запястья, которые он неоднократно целовал, были еще горячее.

— Бунтарь! — Он приподнялся, взял нефритовую подушку и бросил ее в изножье кровати. — Кто тебе сказал пробраться в постель Учителя посреди ночи?

Он думал, что его тон был яростным, но не знал, что его глаза цвета персика были влажными, а слегка приподнятая грудь поднималась и опускалась. Этот растрепанный и тяжело дышащий вид был таким ярким в глазах бунтаря.

Горло Сяо Шэня дернулось, и он небрежно взял нефритовую подушку.

— Я звал Учителя, но это был Учитель, кто спал слишком крепко.

— Ты еще и смеешь обвинять меня? — Шэнь Цинчжо был так зол, что хотел ударить его еще раз. — Вламываться в дом посреди ночи, этому тебя учил Учитель?

— Я так сильно скучаю по Учителю. — Сяо Шэнь поднял руку, схватил стройную и симпатичную лодыжку и с улыбкой ответил, — Я так сильно скучаю по Учителю, что не могу нормально спать и есть. Если я не увижу Учителя, я серьезно заболею.

— Ты-

У Молодого Господина Шэня была тонкая кожа, и на его ушах внезапно проступил румянец. Он закричал, словно пытаясь прикрыться:

— Отпусти меня!

С его губ сорвались кокетливые слова. Где бунтарь научился этой дурной привычке?

Сяо Шэнь подавил желание подмять человека под себя и разжал свои тонкие и сильные пальцы.

— Учитель, Вы не скучаете по мне?

— Да пошел ты! — Шэнь Цинчжо приподнял брови и указал на бунтаря, — Возвращайся туда, откуда пришел.

— Учитель не скучает по мне? — Сяо Шэнь снова спросил, опускаясь на колени и медленно подползая к своему учителю. — Тогда почему Учитель звал меня в своих снах?

Опасная и властная поза бунтаря напомнила Шэнь Цинчжо о мужчине из его сна, о его безрассудных и неотразимых поступках...

В темноте от стыда его щеки вспыхнули, как пламя.

Как мог ему присниться такой постыдный сон?

Избиение юноши кнутом могло быть понято как его глубокое желание преподать урок своему непокорному ученику, но вторую половину сна он не мог внятно объяснить, как бы сильно ни старался. Могло ли быть так, что само его тело...

— У Вас такое красное лицо, что же снилось Учителю? — Положив руки по обе стороны от тела своего учителя, Сяо Шэнь весело спросил, — Может быть, это что-то-

— Ничего! — Шэнь Цинчжо внезапно пришел в себя и высокомерно возразил, — Учителю снилось избиение тебя, непокорного. Ты доволен?

Сяо Шэнь слегка приподнял брови.

— Правда?

Эти жалобные всхлипывания звучали как мольба о пощаде, мягкий голос, который мог пробудить в нем желание к насилию, в определенный момент отчетливо прозвучал.

Шэнь Цинчжо успокоился и взял инициативу в свои руки, спросив:

— Так что ты имеешь в виду, придя сегодня вечером к Учителю? Ты признал свою ошибку?

Сяо Шэнь уставился на него.

— Что плохого в том, чтобы восхищаться Учителем?

— Ты такой упрямый! — Шэнь Цинчжо в гневе толкнул его. — Нападение на Учителя ночью, твое преступление еще серьезнее.

Сяо Шэнь воспользовался возможностью подержать тонкую косточку запястья и поцеловал белоснежное запястье. Его горячий язык даже выскользнул наружу и лизнул влажный след на нем.

— Я признаю, что я упрям, но я не признаю преступления в ночных налетах.

Он почти полностью утратил самообладание и просто лег рядом со своим учителем, осторожно обводя взглядом его спящее лицо и сдержанно целуя белоснежное запястье, чтобы утолить жажду.

Зверь в его сердце грохотал в клетке день и ночь, но он крепко подавлял его и не смел выпустить наружу. Он не хотел, чтобы его учитель оказал ему хоть малейшее сопротивление.

Мысль о том, что его учитель будет смотреть на него с отвращением, причиняла ему больше боли, чем задержка.

— Ты...

Вспыхнул странный электрический разряд, и Шэнь Цинчжо не смог сдержать стона и попытался отдернуть запястье, но ему было не справиться с бунтарем.

— Учитель, очевидно, это не ненавидит... — Горячие и влажные поцелуи продолжали сыпаться, и Сяо Шэнь мягко искушал, — Учителю, очевидно, это нравится, почему Вы не можете дать мне шанс?

— Сяо Ци... — Шэнь Цинчжо был беспомощен и растерян, он почти говорил сам с собой, — Это неправильно...

Они учитель и ученик, между ними могут быть самые разные чувства, но между ними не должно быть безнравственной любви.

Самым важным моментом является то, что миссия близка к завершению, и скоро наступит день его возвращения. Как он может позволить своему маленькому ученику влюбиться в него, а затем уйти, как будто его никогда и не было в этом мире?

Шэнь Цинчжо пришел в себя и громко позвал:

— Сян Чэнь!

Сяо Шэнь нахмурился.

— Учитель...

В следующий момент окно, через которое он проник внутрь, снова распахнулось, и Сян Чэнь аккуратно вкатился внутрь.

— Господин.

— Его Величество возвращается во дворец. — Воспользовавшись тем, что он отвлекся, Шэнь Цинчжо быстро отвел свое запястье. — Обязательно проводи его обратно во дворец в целости и сохранности.

— Учитель! — Император нахмурился еще больше. — Я наконец-то выбрался из дворца.

— Сян Чэнь, как ты стал тайным охранником? — Шэнь Цинчжо остался равнодушен и повернулся, чтобы отругать тайного охранника, — Если бы твоего господина убили ночью, ты бы все еще крепко спал, верно?

— Я- — у тайного охранника не было слов, и он мог только опуститься на одно колено, чтобы признать себя виновным, — Пожалуйста, накажите меня, Господин.

Шэнь Цинчжо поднялся с кровати.

— Хорошо, отведи Его Величество обратно во дворец.

Сяо Шэнь поджал губы и, наконец, встал с кровати.

— Хорошо, я больше не побеспокою Учителя.

— Как ты, правитель государства, можешь прокрадываться в комнату Учителя посреди ночи? — Шэнь Цинчжо повернулся к нему спиной и холодным тоном сказал, — Ты должен помнить о том, кем ты сейчас являешься, о том, сколько глаз все время смотрит на тебя и сколько людей хотят тебя уничтожить. Не будь таким своевольным в будущем.

Сяо Шэнь молча подошел к дверям дворца, а затем прошептал:

— Лидер государства не исключение, если он не может получить то, чего желает больше всего.

На следующий день Шэнь Цинчжо отправился в Бэйчжэнь Фуши, чтобы, как обычно, заняться своей работой.

В эти дни он разбирал архивы имперской тюрьмы, пытаясь найти какие-нибудь зацепки в старых делах, за которые он еще не брался, чтобы начать прорыв в расследовании этого дела.

Но до того, как он вступил в должность, тюрьма пустовала почти три года. В течение этого периода все материалы по делу хранились в трех судебных департаментах, и большинство из них находилось в ведении Министерства юстиции.

Министром юстиции был Ци Бэньюй, и он хотел, чтобы семья Ци стала первой, кого

прооперируют.

— Кхе, кхе... — Господин Шэнь прикусил нижнюю губу и несколько раз слегка кашлянул, а его обычно светлое лицо стало еще более бледным.

Линь Цзиньюй внимательно посмотрел на его лицо и невольно нахмурился.

— Погода становится теплее, почему ты выглядишь худее, чем в середине зимы?

— В последнее время я плохо сплю, и у меня плохой аппетит. — Шэнь Цинчжо устало потер виски. — Через некоторое время должно стать лучше.

После того нелепого сна, который приснился ему той ночью, он не мог нормально спать по ночам. Он спал так чутко, что просыпался по нескольку раз за ночь. Успокаивающее благовоние не действовало, и у него также сильно испортился аппетит.

— Все материалы дела здесь и никуда не денутся. В первую очередь тебе нужно позаботиться о себе, — вздохнул Линь Цзиньюй и искренне посоветовал, — Хорошие дни Господина Шэня еще впереди. Не губи свое здоровье заранее.

Шэнь Цинчжо улыбнулся и сказал:

— Не волнуйся, я знаю, что делаю.

Линь Цзиньюй замолчал и заговорил о бизнесе:

— Я хочу снова тренировать имперскую гвардию.

С восшествием на престол нового императора его успешно повысили до командующего имперской гвардии, и теперь он возглавляет имперскую гвардию.

— Имперская гвардия... — Шэнь Цинчжо подумал, — Как ты хочешь их обучить?

— Хотя имперская гвардия намного меньше, чем три батальона, но их не следует недооценивать, если они хорошо обучены. — Линь Цзиньюй сделал глоток горячего чая и вздохнул, — Теперь имперская гвардия - это сборище лентяев, которые только получают зарплату и не работают. Я должен дать им понять, что получать что-то даром не получится.

— Все имперские гвардейцы - отпрыски благородных семей, и они стали ветеранами, поэтому их трудно обучать, — с улыбкой сказал Шэнь Цинчжо. — Однако у Фэнцзи такие амбиции, как я могу не поддержать его?

Линь Цзиньюй тоже улыбнулся.

— Отлично, тогда я доложу Его Величеству.

Шэнь Цинчжо на мгновение задумался, махнул Господину Линю, показывая, что ему есть что сказать.

Линь Цзиньюй не усомнился в его словах и наклонился, чтобы спросить:

— Что еще?

Как только Кон Шан вошел, он увидел, что два господина о чем-то интимно перешептываются.

— Господин Линь, Мой Господин, — после недолгого ожидания, Кон Цяньши* пришлось заговорить, чтобы прервать личную беседу двух господ.

*“Цяньши” - ранг чиновника в древнем Китае, обозначающий жалованье в 1000 камней зерна и соответствующий административный статус.

К счастью, Шэнь Цинчжо закончил говорить и поднял на него глаза.

— Что случилось?

Кон Шан ответил правдиво:

— Его Величество пригласил Моего Господина в кабинет, чтобы кое-что обсудить.

Шэнь Цинчжо слегка нахмурился.

— Что он сказал?

— Это... Его Величество на самом деле не сказал этого. — Кон Шан почесал затылок. — Похоже, это то, чего подчиненному знать не следует.

Шэнь Цинчжо откинулся назад и спокойно сказал:

— Если он ничего не скажет, я не пойду.

Кажется, это не такое уж и важное дело.

— ...

Его господин такой, такой своенравный...

— Цинчжо, в конце концов, он - император, ты должен проявить к нему уважение. — Линь Цзиньюй покачал головой и озабоченно сказал, — Авторитет императора не подлежит сомнению. Ты неоднократно опровергал его мнение. Даже самые глубокие отношения между учителем и учеником не выдерживают этого...

Шэнь Цинчжо закрыл глаза.

— Ты не понимаешь.

Было бы прекрасно, если бы это были просто отношения между учителем и учеником. Суть в том, что Император просит у него сейчас то, чего он не может дать.

Увидев это, Линь Цзиньюй перестал уговаривать его и сказал Кон Цяньши:

— Пойди и доложи Его Величеству, что Господин Шэнь болен и тебя попросили передать это сообщение.

Кон Шан содрогнулся, вспомнив лицо Императора, мрачное, как тысячелетний лед, но все же вернулся во дворец с докладом.

У него не было другого выхода. Его господин был для него важнее всего остального. Ради его господина Император на самом деле не стал бы его винить... верно?

В ту ночь, после того как Шэнь Цинчжо лег, он все еще ворочался с боку на бок и не мог уснуть.

У него было слишком много забот, и система, казалось, была мертва. Как бы он ни старался, она не выходила наружу, и у него не было возможности найти кого-то, с кем можно было бы это обсудить.

Спустя неизвестное количество времени, когда он был в полубессознательном состоянии, он внезапно почувствовал на себе пристальный взгляд, который было трудно игнорировать.

Он открыл глаза и увидел, что бунтарь сидит рядом с кроватью, неподвижно глядя на него, как безмолвная скульптура.

— Аи... — он вздохнул, его голос прозвучал тихо и хрипло в ночи, — Рано или поздно ты

напугаешь Учителя до смерти.

— Где Вы чувствуете дискомфорт, Учитель? — тихо спросил Сяо Шэнь, протягивая руку, чтобы коснуться лица своего учителя. — Учитель, Вы снова похудели. Меня здесь нет, так что Вы, должно быть, плохо ели.

Шэнь Цинчжо поднял свою руку и заблокировал его руку.

— С Учителем все в порядке, это просто отговорка.

Его глаза были темными и казались темнее ночи за окном. Голос Сяо Шэня был пугающе мягким:

— Учитель, Вы действительно не хотите меня видеть?

Шэнь Цинчжо посмотрел на глаза, полные любви и беспокойства, и сказал почти умоляющим тоном:

— Сяо Ци, признай свои ошибки, Учитель просит тебя.

Не хочешь? Чего ты не хочешь?

Этого юношу он вырастил лично. За исключением двух лет, когда он отправился воевать в Суйси, они были почти неразлучны.

Раньше они говорили обо всем, но теперь им приходится поддерживать холодную войну, даже высказывая вещи, которые могут навредить юноше.

Он просто хочет, чтобы все вернулось на круги своя...

Сяо Шэнь посмотрел в пару ласковых глаз, затуманенных слезами, и в его темных зрачках вспыхнула буря.

Большая рука, словно клещи, легко обхватила одинокую кость запястья, и он наклонился и надавил.

— Нет ничего плохого в том, чтобы любить Учителя.

Его любовь может быть болезненной, но он никогда не пожалеет об этом.

— Не заставляй меня, Сяо Ци... — Шэнь Цинчжо неосознанно поднял другую руку, прижал к его твердой груди и сказал, — Ты хочешь заставить Учителя уйти?

Слово “уйти”, наконец, оборвало нить в сознании императора.

Он схватил другое тонкое белоснежное запястье, сжал его, а затем крепко прижал к мягкой постели.

Слегка вздымающаяся грудь была вынуждена приподняться, образуя красивую дугу. Шэнь Цинчжо запаниковал.

— Сяо Ци, не надо...

Слова были полностью поглощены.

Сяо Шэнь поцеловал его, его горячие губы крепко прижались к нему, и через мгновение кончик его языка попытался приоткрыть его губы.

Шэнь Цинчжо боролся, его губы были плотно сжаты и отказывались открываться.

Но острые зубы прикусили его нижнюю губу, и, несмотря на боль, кончик влажного и горячего языка впился в него с непреодолимой силой.

Вскоре сдержанный поцелуй стал грубым, как будто мускулистый зверь наконец поймал свою добычу и хотел проглотить ее одним глотком.

— Уу...

Шэнь Цинчжо глубоко погрузился в постель, его лицо покраснелось от прикосновений и поцелуев, и он смог издать только прерывистый всхлип, сорвавшийся с его сомкнутых губ.

Его губы и язык онемели от поцелуя, а в глазах на мгновение потемнело. Он даже подумал, что бунтарь действительно собирается съесть его живьем вот так...

Прежде чем он чуть не потерял сознание от поцелуя, Сяо Шэнь наконец милосердно убрал губы и язык, слегка отстранился от него, позволяя своему учителю дышать.

Шэнь Цинчжо пришел в себя после удушья, его глаза были полны тумана, а грудь поднималась и опускалась еще сильнее.

— Бу, бу...

Он хотел снова выругаться “бунтарь”, но смог только охнуть волчьим голосом.

— Сяо Ци умоляет Вас, Учитель, — глубокий и притягательный голос был хриплым от страсти. Сяо Шэнь прижался к нему и умолял, — Учитель, пожалуйста, любите меня, Вы действительно собираетесь замучить меня до смерти...

Автору есть что сказать:

Волчонок: Учитель, теперь Вы знаете, каким сдержанным я был раньше?

Учитель: Я люблю тебя, я забью тебя до смерти!

Учитель будет вынужден открыться. Здесь нет абьюза, но дайте учителю еще немного времени...

<http://bllate.org/book/14566/1290384>